

Вертикальные столбцы иероглифов тянулись по обеим страницам сплошной стеной, без единого знака препинания. Вдобавок текст был написан на вэньяне — классическом древнекитайском языке. Неподготовленного человека такое зрелище сразу ввело бы в ступор.

Но Цзун Жуя подобные трудности не пугали. Он преподавал на факультете китайского языка и литературы Пинчэнского университета, так что чтение древних текстов входило в круг его базовых профессиональных обязанностей. Пусть он и не умел читать по диагонали столь сложный слог, но быстро разобрал, о чем именно писал Юнь Ваншу.

Письмо начиналось с предостережения: Цзун Жуй должен проявить крайнюю осторожность и ни под каким видом не показывать эти страницы Сы Юю.

С каждым прочитанным словом лицо Цзун Жуя становилось все более сосредоточенным.

Далее Юнь Ваншу писал, что понимает всю бестактность своего предостережения. Цзун Жуй и Сы Юй были возлюбленными, и сеять между ними семена подозрений казалось делом недостойным. Однако, раз уж письмо попало к нему в руки, Юнь Ваншу умолял отбросить предвзятость, прочесть текст до конца и узнать его историю.

Следующие же строки прозвучали для Цзун Жуя подобно грому среди ясного неба.

Юнь Ваншу писал, что он не из этого мира.

В это признание вкладывался двойной смысл. Во-первых, его родной мир разительно отличался от здешней реальности с ее возвышающимися до небес зданиями и бурлящими потоками машин. Маленькая светящаяся коробочка, показывающая чудеса всей вселенной, «стиральная машина», за считанные минуты очищающая одежду, «кулер» для питьевой воды и «мобильный телефон», позволяющий общаться с людьми за тысячи ли, — для Юнь Ваншу все это оставалось вещами невиданными и неслыханными.

На двух бумажных листах невозможно уместить много подробностей, к тому же Юнь Ваншу подчеркивал, что не знает, как долго сможет оставаться «снаружи». Эта оговорка зародила в душе Цзун Жуя новые подозрения. И все же автор письма потратил немало сил, чтобы выразить свое изумление от технологических чудес этого мира — очевидно, здешняя реальность потрясла его до глубины души.

Что касается второго смысла, то в его мире никогда не существовало оды «Шанлинь».

В этом Юнь Ваншу был непоколебимо уверен. Он писал, что если бы в его мире было создано подобное произведение, он никак не мог бы о нем не знать. Цзун Жую достаточно было бросить взгляд на его изящный почерк, чтобы понять: этим словам можно верить.

Если Юнь Ваншу не был плодом фантазии, порожденной душевным расстройством самого

Цзун Жуя, то он, скорее всего, жил в каком-то древнем мире. Цивилизация там явно не дошла до промышленной революции, раз уж обычная бытовая техника вызывала у него столь искреннее изумление.

В то же время Юнь Ваншу обладал великолепным почерком и излагал мысли изящным литературным слогом. Это выдавало в нем человека блестяще образованного, который с полным правом мог утверждать: «Раз я не слышал об этой оде, значит, ее в моем мире попросту нет».

Так или иначе, наткнувшись на разбросанные по письменному столу листы оды, Юнь Ваншу пришел в неописуемый восторг от мастерства ее создателя. Он загорелся страстным желанием познакомиться с автором «Шанлинь» и не раз говорил об этом Сы Юю.

Тот лишь посмеивался в ответ и объяснял, что настоящий творец этого шедевра упокоился более тысячи лет назад, а человек, переписывающий строки в кабинете, — всего лишь скромный любитель каллиграфии.

Именно тогда Юнь Ваншу понял, что их миры пошли по совершенно разным историческим путям. К счастью, письменность у них оказалась общей — и в строках, которые Цзун Жуй держал в руках, сквозило искреннее облегчение. Ведь только благодаря этому совпадению Юнь Ваншу смог оставить ему письмо.

На этом заканчивалась первая страница. Слог автора был емким и точным. В любое другое время Цзун Жуй, как филолог, непременно сохранил бы этот изящный текст, описывающий современные чудеса языком древности, чтобы поделиться им со своими студентами. Но сейчас его мысли спутались в стократ сильнее прежнего. Единственное, что его заботило, — как можно скорее перевернуть страницу и узнать, о чем автор пишет дальше.

Объяснив свое происхождение, Юнь Ваншу перешел к истории их знакомства с Сы Юем.

Он поведал, что тогда Сы Юй назвался другим именем — Шэнь Цзибай.

В те времена родной мир Юнь Ваншу погрузился в хаос: среди людей распространилась жуткая, неведомая болезнь. Зараженные напоминали ходячие трупы, которые, вопреки законам природы, продолжали двигаться. Лишившись разума, эти монстры искали лишь одного — свежей человеческой плоти, чтобы утолить вечный голод.

Цзун Жуй почувствовал, как пересохло в горле. Он судорожно сглотнул.

«Зомби?..»

Пусть он и посвятил жизнь классической филологии, это не мешало ему быть знакомым с современной поп-культурой. Описанная картина живо напомнила ему сюжеты вроде «Обитатели

зла» или «Ходячих мертвецов».

Но даже в этих вымышленных мирах люди, вооруженные до зубов огнестрельным оружием, выживали с огромным трудом. Как же ухитрились спастись жители древнего мира Юнь Ваншу?

Цзун Жуй начал читать еще быстрее. К сожалению, помня об ограничениях по времени пребывания «снаружи», Юнь Ваншу не стал вдаваться в подробности собственной судьбы. Его повествование сосредоточилось на Шэнь Цзибае. Автор лишь вскользь упомянул, что и сам в какой-то момент подхватил заразу, но чудом сохранил рассудок и научился подавлять тягу к человечине. Чтобы не навредить живым, он покинул обжитые места и годами скитался в глухих лесах. И именно там он встретил Шэнь Цзибая, который не выказал перед ним ни малейшего страха.

Шэнь Цзибай окружил Юнь Ваншу трогательной заботой, объясняя это тем, что платит долг за былую услугу — ведь когда-то Юнь Ваншу спас его.

В своем послании Юнь Ваншу честно признавался Цзун Жую, что совершенно не помнил этого юношу. На своем веку он помог слишком многим, зачастую мимоходом, так откуда ему было запомнить каждое лицо?

Однако для Шэнь Цзибая он явно стал кем-то исключительным. В те кошмарные времена, когда родители собственноручно лишали жизни зараженных детей, а супруги из-за пустяковой царапины становились злейшими врагами, этот юноша без капли сомнения и страха оставался рядом с ним.

Юнь Ваншу писал, что первое время постоянно прогонял Шэнь Цзибая. Как бы усердно он ни подавлял голод, находиться бок о бок с пышущим жизнью человеком ему порой бывало невыносимо.

Но Шэнь Цзибай не слушался. Напротив, он начал охотиться на ходячих трупов, добывать из их голов странные бусины и приносить их Юнь Ваншу.

Он объяснил Юнь Ваншу, что однажды подсмотрел, как зараженные свирепо дерутся из-за этих находок, и догадался, что они могут быть полезны.

На самом деле Юнь Ваншу и без подсказок, повинаясь лишь звериному инстинкту, чувствовал: эта вещь принесет ему пользу.

В конце концов он принялся щелкать эти бусины одну за другой, точно семечки. Шэнь Цзибай неизменно сидел поодаль и смотрел на него с сияющей, детской улыбкой, радуясь каждому успеху своего спутника.

Юнь Ваншу: «...»

Разумеется, он был признателен Шэнь Цзибаю, но... Когда родная кровь шла на близких с оружием в руках из страха перед заразой, безмятежное поведение Шэнь Цзибая выглядело пугающе неестественным. К тому же временами, когда Юнь Ваншу засыпал или просто сидел с закрытыми глазами, до него доносилось странное бормотание юноши:

«Тунтун, брат Юнь такой красивый, ну почему его тело отравлено ядом? Какая жалость...»

Всякий на его месте почувал бы неладное.

Осторожный Юнь Ваншу, который к тому времени поглотил уже немало бусин и стал гораздо лучше контролировать собственное тело, в конце концов увел Шэнь Цзибая обратно к людям и оставил там.

Лишь самые первые ядра были добыты юношей, все остальные Юнь Ваншу получал своими силами.

Он думал, что на этом их история закончилась. Однако вскоре Шэнь Цзибай появился вновь. Причем при весьма трагических обстоятельствах: люди обвинили его в сговоре с зараженными тварями и выволокли за ворота, собираясь лишить жизни.

Разумеется, Юнь Ваншу не мог пройти мимо. Он вмешался и спас юношу, но тем самым лишь подтвердил слухи о его предательстве. Сам Юнь Ваншу сильно переживал из-за случившегося, зато Шэнь Цзибай преспокойно сидел рядом и с улыбкой говорил:

— Разве плохо? Теперь ты точно не сможешь меня прогнать.

Юнь Ваншу оставалось лишь молчать.

Из-за него Шэнь Цзибай лишился крова и доверия людей, так что возвращать его обратно не имело смысла.

Но и оставлять его при себе... Разве правильно здоровому, полному сил юноше изо дня в день делить кров с ожившим мертвецом в дикой глуши?

Порой Юнь Ваншу казалось, что он чересчур мнителен. Ведь все выглядело просто: люди предали юношу, а он, монстр, спас его, так что привязаться к нему было вполне естественно.

И все же жизнь скитальца сурова. Шэнь Цзибаю требовалась нормальная пища и чистая вода. Ему нельзя было получать ни единой царапины, иначе он разделит бы участь зараженных.

Понимая, что Шэнь Цзибай оказался в этой глуши из-за него, Юнь Ваншу оберегал его как мог, но несчастных случаев избежать не удалось.

К счастью, юноше сопутствовала невероятная удача. Как-то раз Юнь Ваншу своими глазами видел, как зараженный вонзил когти в его запястье. Однако, когда враг был повержен, кожа Шэнь Цзибая оказалась совершенно целой — ни царапины, ни следа крови.

Юнь Ваншу тогда вздохнул с облегчением. И хотя в душе вновь шевельнулось подозрение — ведь он не мог ошибиться, глядя в упор, — главное было то, что Шэнь Цзибай не пострадал.

Увы, удача не могла длиться вечно. К тому времени Юнь Ваншу обнаружил, что по мере поглощения бусин его разум становится все чище, а воля позволяет подчинять себе волю обычных зараженных.

Но если подобный шанс на эволюцию выпал ему, то мог выпасть и другим. На третий год их скитаний Юнь Ваншу и Шэнь Цзибай столкнулись с врагом, равного которому еще не встречали.

Противником оказался такой же разумный зараженный. Он умел говорить и жаждал заполучить бусину из головы Юнь Ваншу.

Сражение было жестоким, и постепенно Юнь Ваншу начал сдавать позиции.

Как и догадывался Цзун Жуй, до болезни Юнь Ваншу принадлежал к благородному сословию и прекрасно владел копьем и мечом. В схватке с обычными разбойниками он не знал поражений, но сейчас перед ним стоял не просто сильный враг, а чудовище, сожравшее бесчисленное множество ядер и погубившее сотни жизней. Против такой мощи Юнь Ваншу устоять не мог.

Неужели это конец?.. Свою жизнь Юнь Ваншу не ценил, но что станет с Шэнь Цзибаем? И что будет с людьми в окрестных поселениях? За последние годы благодаря его негласной защите набеги зараженных почти прекратились. Почувствовав себя в безопасности, народ воспрянул духом.

Заброшенные пашни вновь засеяли, а разбежавшийся по лесам скот вернули в загоны. Юнь Ваншу знал, что совсем недавно в соседней деревне родился ребенок. Люди радовались новой жизни, даже не подозревая, что их хрупкий мир вот-вот возвратится в сущий ад.

В самый отчаянный момент Шэнь Цзибай выскочил вперед и заслонил Юнь Ваншу своим телом, приняв на себя смертельный удар. Но эта жертва подарила Юнь Ваншу секунду, необходимую для того, чтобы снести врагу голову.

Враг был мертв, но и Шэнь Цзибай испускал последний вздох. Он рухнул на руки Юнь Ваншу, захлебываясь кровью, но даже не поморщился от боли. Юноша лишь умолял его поскорее

проглотить бусину, выпавшую изо рта поверженного чудовища, чтобы ее силой не завладели другие твари.

Юнь Ваншу же лихорадочно думал о другом: а что, если скормить эту бусину Шэнь Цзибаю? Пусть он тоже станет зараженным, но хотя бы продолжит существовать.

Но Шэнь Цзибай наотрез отказался. Собрав последние, необъяснимые силы, этот умирающий юноша сам вложил бусину в уста Юнь Ваншу.

Тот не успел даже воспротивиться, как ощутил, что ядро скользнуло ему в горло.

Он и прежде поглощал ядра, но ни одно из них не могло сравниться с этим. Едва проглотив бусину, Юнь Ваншу ощутил, как весь мир вокруг него преобразился. Полет птицы в поднебесье, шелест листвы в далеких горах — все чувства обострились до предела, сделав окружающее невероятно отчетливым.

Прошло ли несколько минут или целая вечность, Юнь Ваншу с трудом стряхнул с себя оцепенение и опустил взгляд. Шэнь Цзибай все так же преданно, с немой нежностью смотрел на него.

Сердце Юнь Ваншу сжалось от невыносимой боли.

Ему было безразлично, какие перемены произошли в его теле. Вся его душа наполнилась раскаянием за прежнюю холодность к тому, кто без колебаний отдал за него жизнь.

В порыве отчаяния он без конца задавался вопросом: почему умер не он?

И едва эта мысль оформилась в его сознании, как в голове раздался бездушный металлический голос:

[Прогресс: 98%... 99%...]

[Поздравляем хоста! Покорение цели «Юнь Ваншу» успешно завершено!]

[Внимание! Внимание!]

[Юнь Ваншу успешно эволюционировал в статус «Нетленная кость». Побочная миссия выполнена!]

Юнь Ваншу застыл в полном замешательстве.

Он не понимал, откуда звучал этот странный голос, кто такой «хост» и что означает «покорение». Неведомые понятия вроде «побочной миссии» и «нетленной кости» окончательно сбивали с толку.

Но прежде чем он успел осмыслить услышанное, сознание его угасло. А когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что находится в мире Цзун Жуя.

Перед ним стоял взволнованный юноша, который настороженно разглядывал его. Заметив ответную настороженность на лице Юнь Ваншу, тот нерешительно спросил:

— Ты ведь... брат Юнь?

У Юнь Ваншу дрогнули веки, в груди шевельнулось недоброе предчувствие. И в следующее мгновение лицо юноши озарилось счастливой улыбкой:

— Брат Юнь, это я, Минданы!

Минданы был вторым именем Шэнь Цзибая.

— Перед самой смертью я столкнулся с какой-то невиданной штуковиной, назвавшейся «Системой». Она пообещала вернуть меня к жизни, если я помогу ей выполнить одну «миссию».

У Юнь Ваншу перехватило дыхание.

«Миссия»?..

Тем временем Шэнь Цзибай продолжал:

— В этом мире меня зовут Сы Юй, а тебя — Цзун Жуй. Вскоре с Сы Юем должен произойти несчастный случай со смертельным исходом, и мы обязаны его предотвратить. Брат Юнь, ты ведь поможешь мне, правда?

<http://bllate.org/book/18254/1747967>